

Комсомольская
правда, 1976,
16 мая

ВОЛ ГОЛУБОЙ ЭКРАН

ЧАС СТИХА

ВЫ НЕ ЗАМЕЧАЛИ, что зрительный зал, как человек, может иметь свой характер — веселый или энергичный и даже свой склад ума? И это нередко зависит не только от состава аудитории, а от того человека, который стоит на подмостках. Лица в зале умнеют, хорошеют — или наоборот. Люди уходят домой чуть лучше, чем пришли, — или наоборот. Когда на телеэкране мы видим сразу и зал, и того, кто к залу обращается, наглядно выступают действительная сила, слова и свойства личности, перед аудиторией стоящей. Говорю «сила слова», потому что это о первом большом вечере советского поэта в Останкинской студии, о вечере поэта Андрея Вознесенского.

Оставим анализ поэзии Вознесенского вне этой заметки. Поэт с подмостков телетеатра предстает в особом качестве — он и поэт, и актер, и режиссер, и даже дирижер. Он — автор своеобразного спектакля. И с этого спектакля триста его слушателей и миллионы телезрителей могут уйти равнодушно, легко забыв и про поэта, и про стихи, а могут и наоборот — все это запомнив и долго еще обдумывая.

Вознесенский овладел мастерством слышимой поэзии. «Рукопись — только начало книги. Трибуну, эстраду — продолжит, расширит радио, — говорил Маяковский. — ...Я не голосую против книги. Но я требую пятнадцать минут на радио». В 1927 году он не знал, что через полвека поэт потребует свой час на телеэкране.

Вознесенский лишь начинает чуть неуверенно, на механических голосовых подъемах и спадах. Но, постепенно вслушиваясь в себя, в смысл и музыку стихов, он сосредоточивается, властно «берет» зал — и вот мы уже на волне поэзии, и сложный ее лад не требует комментариев, а только внимания.

Он читал стихи о Пабло Неруде, о Политехническом, о любви и о многом другом. Едва ли не больше всего он читал о самой поэзии, которая — нежнейший, подобно музыке, «субстант, где не губами, а устами». О поэзии, в которой и хрупкость, и тайна, и сила, как в музыке, и потому — «чтоб вам не оторвало рук, не трожьте музыку руками!». Он защищал стихами свое дело, свою профессию, ее важное место среди

людей. Поэт защищал все духовное, все человеческое в человеке.

Иной трезвый голос может спросить: что это он так волнуется? Но, наверное, когда поэт перестанет беспокоиться, он уже не будет поэтом.

Маяковский говорил, что «повышение нашей культуры» придаст новое значение поэтическому слову, отстранив побочные «прикрасы, гипнотически покоряющие некультурного». К счастью, на этот раз такт, ум и вкус организаторов вечера не допустили ничего, что заслонило бы поэзию. Все было только ей на пользу. Когда из зала на подмостки вышел композитор Родион Щедрин и предварил свою музыку словами о стихах, это были слова представителя родственного искусства, человека, который в своем деле тоже поэт. И когда спела София Ротару, она спела не две и не три песни, а всего одну, и так, как это было нужно вечеру. И композитор М. Таривердиев исполнил свою песню на слова Вознесенского. Все придавало компактность зрелищу и удержало его на уровне высокой культуры.

Подобные вечера — и отчет, и театр, и трибуна. Выдерживает этот экзамен тот, про кого можно сказать, что он действительно «поэт. Этим и интересен».

Н. КРЫМОВА.